

Автор - Екатерина Годвер, Москва (Россия).

* * *

Учет несказанным словам
ведет старик с улыбкой Будды
среди торжественной посуды,
за блюдом с надписью «Москва»,

в серванте... Каверзный божок,
двухсотрублевая подделка –
сегодня друг он и поделник,
а завтра полоснет ножом
исподтишка и как нарочно:
воспоминанием о прошлом
в полночный, неурочный час...

Но к черту прошлое! Оно
покрылось пылью, скрылось с глаз,
оно не стоит сожалений.
Но твой божок – он здесь, сейчас,

он наблюдает и не дремлет,
пускай в серванте и темно.

Молчанье – золото, а все же
не дребезжит на вираже:
пуста фарфоровая хрюшка.
Полслова в спину крикнуть нужно,
но дверь захлопнулась уже;
вот как-то вдруг...

Особенная ловкость рук
в том, чтоб бездействием портачить.

Сервант шатается, скрипит.
Под блюдом спрятана записка
в советских дедовских купюрах:
судьба – непревзойденный шулер
и у нее свои причуды.
Уж лучше вовремя пропить,
чем чтоб вот так...

Смеется Будда –
и кажет глиняный кулак.

* * *

I.
Как виноград, ты месишь грязный снег
на остановке серым утром зимним.
Морозный воздух отдает бензином,
дерет лицо и замедляет бег
минут. Холодное нутро
автобуса приемлет равнодушно
любого, будь хоть стар, хоть млад, хоть хмур,
надушен
скверно, непричесан и похемлен...
Пыхтит автобус, закрывает двери -
и едет сквозь промозглый понедельник.
Прокладывает курс,
ползет к конечной -
не мотылек, но гусеница;
а во тьме тоннеля
ему мигает дальним светом встречный...

II.
Обыденность безвидна и пуста,

вино ее горчит. Закуска - безыдейна...
Тут все, как у людей!
Вот только люди –
не те...
Да что за люди?
Чушки, сельди в бочке!
За окнами – недобрая метель,
внутри у каждого как будто обесточен
какой-то очень важный, нужный нерв...
Как будто ты – не пассажир: кондуктор,
случайно перепутавший маршруты,
и должен за проезд собрать, любой валютой -
но ничего не можешь дать взамен.
Поэтому молчишь, один из них.
Автобусное братство
работает локтями безучастно,
и ждет не перемен,
но выходных.

III.

Ведущим счет по Гамбургским лекалам
повсюду чудятся обман, интрига, сговор,
антиутопия, что тянется с начала
времен – и ныне входит в штопор.
Им отвратителен автобус и водитель,
которого не видели
в глаза. И пассажиры, и зима, и город,
до развлечений жадный второсортных,
и слабое, негреющее солнце...
Нет веры чудесам и чудотворцам:
обман и морок
кругом!
Народу нужно ехать, хлеба, зрелищ:
он поражен невежества саркомой,
расчеловечен!
И не будет по-другому
в том маленьком мирке,
в том цирке,
что назвать зазорно домом.

IV.

Где Гамбурга огни –
а где Капотня?
Затянута дорожная петля
на шее у философов диванных.
И все же, все же, все же! Как ни странно –

но что-то между ними
есть.....
С небес
все сыплет на дорогу манна,
ползет ЛИАЗ один в рассветной мгле.
Ни капли волшебства в нем. И обмана
ни капли... Вот украдкой на стекле
какая-то селедка пишет пальцем,
о том, что любит, любит! - и любима.
Малец сопит под старым школьным ранцем,
запальчиво бранит жену сосед,
повсюду
сердитый шепоток, косые взгляды...
От фар навстречу едущей машины
Метель вновь пререзает яркий свет.

Нет места ныне здесь иному чуду -
Но, в сущности, иного и не надо.

ЛИАЗ спешит сквозь снежные торосы...
В трактире гамбургском
подвыпивший матрос
роняет спички –
и ругается по-русски,

но прикурить не смеет от свечи.

* * *

Краснощекий младенец спит в колыбели,
краснокнижную фиалку в руке зажав:
далеко еще страстная неделя,
не созрел еще урожай...
Он не бог, но сын, только чей – не ясно,
человечий или иных кровей?
Впереди его ожидают ясли,
и шаги несмелые по траве.
Все одно, что плевелы, что пшеница
для стопы босой. Золотит поля
луч закатный, и переворачивает страницы
ветер, не касаясь паруса корабля...

Колыбель плывет по волнам, качаясь,
с ней - ореха грецкого скорлупа.
Познает младенец впотьмах отчаяние.
На свету, безжалостна и слепа,

ест его тоска о большом и важном,
обжигает, мучит, сечет кнутом.
Он уже подрост! Он готов поклажи
целый воз тащить из «сейчас» в «потом».
Только справа – лебедь, а слева – щука:
ставят раком, имеют его ввиду.
Подставляет младенец другую щеку,
чтоб по праву сказать себе: «Не пойду».

На причал средь ящиков и канатов
он садится, ноги свободно свесив.
Проплывают мимо киты-громады,
а на спинах их – города и веси,
а на небе звезды! И в море звезды,
и луна недобрым косится глазом:
человек, опомнись, пока не поздно,
ты опять желаешь всего и сразу!

Вал девятый схлынет, затем вернется.
Все проходит в жизни. Пройдет и это:
на прощанье ударит хвостом комета,
заискрится солнце в соленых брызгах...

Но напрасно все: человек не внемлет
и судьбу включает на перемотку.
Вечно длится бой человека с Тенью.
Он причал ломает, чтоб строить лодку,
отдается снова мечте и страсти,
роковой, запретной, тысячеликой.
Из травы пожухлой сплетает снасти
и выходит в море за Моби Диком...

